

ФЕНОМЕН ТРАМПА И АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

В.И. Якунин, Н.Ю. Молчаков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Политическая система США не раз демонстрировала существенные отклонения от конституционных положений, определяющих соотношение трёх ветвей государственной власти. В науке уже давно устоялись понятия «джексоновская демократия» или «имперское президентство», которые ярко иллюстрируют попытки американских президентов выходить за конституционно установленные рамки своей компетенции.

Тем не менее элиты сохраняли общий консенсус в представлениях о стабильной внутренней и внешней политике. В качестве главной угрозы этой стабильности рассматривалась возможность революции сверху. Именно под лозунгом свершения такой революции в ноябре 2016 г. главой государства был избран Д. Трамп – первый в политической истории США президент, не имеющий твёрдой поддержки элит.

Несомненно, что такой итог президентских выборов наглядно проиллюстрировал серьёзные проблемы внутри американского общества, в силу чего причины конфликта между Д. Трампом и его противниками следует искать в идеологической плоскости. Новый президент поставил перед собой задачу существенно изменить фундаментальные основы внешней и внутренней политики США.

В отличие от исторических прецедентов, рассмотренных в настоящем исследовании, критика Д. Трампа выходит за рамки обвинений представителей СМИ или части политического истеблишмента, приобретая форму острого противостояния между ветвями власти и внутри них. Данная ситуация проанализирована в настоящей статье с точки зрения политической и юридической науки.

Ключевые слова: разделение властей, конституционная система, политическая элита, конфликт элит, политическая стабильность, Д. Трамп, США.

УДК 321.015

Поступила в редакцию 18.12.2017 г.

Принята к публикации 20.01.2018 г.

Победа на выборах президента США Д. Трампа в ноябре 2016 г. произвела эффект разорвавшейся бомбы не только на журналистов и социологов, которые упорно прогнозировали его поражение, но и на политологов. Проблема заключалась даже не в том, что пост президента занял человек, никогда прежде не занимавший государственных постов – американская политическая система «переваривала» многих «пришельцев», от генерала У. Гранта до актёра Р. Рейгана. Трудность в другом: впервые за многие десятилетия президент был избран не просто без поддержки, а во многом вопреки воле элит, обозначив глубинные проблемы американского общества и государства¹. Подобной ситуации Соединённые Штаты не знали, по крайней мере, более полутора веков: в 1861 г. избрание президентом А. Линкольна вопреки воле элиты южных штатов закончилось попыткой сецессии и гражданской войной.

Консенсус элит жизненно важен для сохранения внутривластной стабильности в стране. Дело тут не в пресловутом статус-кво, без которого любая конституция останется лишь листом бумаги: необходимо общее представление о рамках и направлении политического процесса. Иными словами, должна существовать негласная гарантия того, что пришедшая к власти политическая сила не устроит революцию сверху. Такая гарантия особенно востребована, когда вновь избранный президент уже в своей инаугурационной речи обрушивается с явной критикой на политическую элиту.

Эта гарантия в той или иной форме всегда подразумевается в стабильной политической системе. Её классическим примером принято считать компромисс, достигнутый в Великобритании в 1945–1950 гг. Когда сразу после окончания Второй мировой войны к власти пришли лейбористы, предложенная ими программа революционных преобразований общественной жизни получила широкую поддержку. На волне массовых симпатий к Советскому Союзу подобный сценарий не казался в то время невероятным. Действительно, правительство К. Эттли провело беспрецедентные по размаху и глубине социальные реформы. Но уже через одну каденцию маятник общественного настроения качнулся в обратную сторону, и на выборах одержали верх консерваторы. Ожидания резко изменились, что могло привести к масштабному демонтажу недавних нововведений лейбористов. Однако этого не произошло, все послевоенные социальные завоевания остались в силе. Именно так выглядел компромисс между элитами, результатом которого стала ныне существующая общественно-политическая система Великобритании.

Разумеется, подобный компромисс всегда обеспечивается институционально. Французскому политическому философу М. Дюверже принадлежит точная формулировка: «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент.

¹ Об этом см.: Якунин В. Победа Трампа: слоны заговорили / Коммерсант. 10 ноября 2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3138034> (дата обращения: 05.07.2017).

Различные политические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках» [15, р. 10]. Иными словами, правовые формы, в которые облечено общественно-политическое устройство государства, – это в большей или меньшей степени формальность. За ней скрывается тот самый глубинный компромисс между элитами, залогом сохранения которого выступает т.н. система «сдержек и противовесов».

Взгляд на современное положение дел в США с этой точки зрения проясняет суть происходящих там процессов. Очевидно, что базовый компромисс поколеблен, причём основные расхождения Трампа с его противниками лежат в идеологической плоскости, в критике Трампом неolibеральной модели глобализации, царившей в мире после окончания холодной войны [3, с. 6], что делает компромисс просто невозможным. Первый признак этого – непрерывно оспариваемая легитимность президента Трампа. В этот процесс вовлечены социальные группы, часть членов которых уже изначально были настроены против Трампа: представители отдельных профессий, интеллигенция, средний класс, население неблагополучных пригородов американских мегаполисов (в первую очередь, живущие на пособие). Одновременно запущен правовой механизм делегитимации президента в связи с подозрениями о вмешательстве России в президентские выборы. Надо чётко понимать, что речь идёт не просто о легальности, а именно о легитимности – фактическом нарушении суверенного права американской нации самой определять свою судьбу.

Но это всего лишь фон. Борьба разворачивается непосредственно внутри политической системы и принимает форму острого противостояния между ветвями власти и даже внутри них: президент США вынужден отправить в отставку директора ФБР, от президентской администрации постоянно происходят утечки в СМИ. Каждый новый шаг президента рассматривается не только под микроскопом СМИ, но и получает политическую и правовую оценку различных общественных сил, а также крупных «фабрик мысли». Случай Трампа предоставляет уникальную возможность наблюдать, какие правовые средства политическая элита будет использовать для обуздания «несистемного» президента. Учитывая серьёзность угрозы для американской элиты, в ход идут самые весомые правовые аргументы, способные не только поставить президенту шах – временно ограничить его способность проводить самостоятельную политику, но и мат – добиться его импичмента.

Методологические замечания

Эйфория сторонников Трампа после его избрания во многом была основана на уверенности во всемогуществе американского президента. Однако президентство в США – это очень сложный институт, не имеющий раз и навсегда заданного политического статуса. Система правления, которую образует, с одной стороны, структура высших органов власти (форма правления), а с другой –

система взаимодействия между ними (политический режим), в силу разных причин может заметно отклоняться от установок конституции. В этом можно видеть либо момент неконституционности действий того или иного органа власти, либо свидетельство существования двух конституций – юридической (формальной) и реальной [6, с. 55]. Обе эти трактовки негативны, поскольку подразумеваются приоритет нормы права над реальными отношениями между участниками политического процесса. Однако на данную проблему можно взглянуть и в позитивном ключе, что даёт возможность несколько расширить методологию исследования. Тезис М. Дюверже позволяет представителю как юридической, так и политической науки по-новому взглянуть на соотношение конституционно определённой формы правления и складывающегося в её рамках политического режима. Юристы будут выделять различные формы или концепции конституционализма, а политологи – с одной стороны, более детально учитывать различные конституционные средства, позволяющие одним органам власти доминировать над другими, а с другой – создавать на основе соотношения конституционно-правового регулирования и политической практики новые объяснительные модели, как например, концепция «нелиберальной демократии» Ф. Закариа [5].

Итак, вслед за М. Дюверже, мы утверждаем, что одна и та же конституционная модель может воспроизводить разные политические режимы. Однако французский исследователь ограничивает свою концепцию современными конституциями, где детально прописаны место и роль каждого органа в механизме государственной власти. Но что если применить такой подход к документу, возраст которого превышает 200 лет и который принято именовать «живой» конституцией, т.е. к Конституции США 1787 г.? Представляется, что такой методический подход даст ключ к пониманию функционирования американской системы правления, что, в свою очередь, раскроет сущность феноменов «джексоновская демократия», «имперское президентство» или «имперский конгресс»² и позволит прогнозировать развитие политической системы США после победы Д. Трампа. Возможность интерпретации американской системы правления на основе тезиса М. Дюверже выводится из следующей цитаты Ф.Д. Рузвельта: «Наша конституция настолько проста и прагматична, что всегда имеется возможность удовлетворить новые потребности путём изменения в акцентах и её адаптации без утраты необходимой формы» [10, с. 241].

В рамках традиционного для юристов подхода обозначенная выше проблема по сути не имеет значения, так как сам механизм «сдержек и противовесов» способствует сотрудничеству ветвей власти и призван конституционно нивелировать любой возникающий между ними конфликт³. С точки зрения по-

² Подробнее о сходных феноменах из истории США см.: [10; 12; 20; 26; 30].

³ Одним из ярких приверженцев такого взгляда выступает Л.М. Энтин, считающий, что «механизм взаимного контроля и сдерживания стал одновременно основой для сотрудничества различных ветвей власти. Он не предотвращает сами разногласия между ветвями власти, ведь в основе их конфликтов и споров лежат скорее политические мотивы, нежели правовые, но сдержки и противовесы не дают спорам перерасти в такое противостояние, которое бы угрожало самому осуществлению власти» [13, с. 42].

литологии, конфликт неизбежен, а его урегулирование достигается с помощью различных неформальных практик, и лишь в случае их отказа имеет место обращение к конституционно-правовым механизмам, например, в случае США – в Верховный суд. Предлагаемый нами подход свободен от двух этих крайностей и с его помощью мы рассчитываем, во-первых, определить конституционность или неконституционность действий Д. Трампа и его политических оппонентов, а во-вторых – с учётом политической истории США дать адекватную оценку политических и юридических средств давления на американского президента, которые применяют (пытаются применить) его оппоненты.

Оттолкнувшись от того факта, что современное развитие американской системы правления задаёт соперничество между президентом и конгрессом при активном участии Верховного суда. Таким образом, поколеблена восходящая к Вильсону [1] вера в «идеальное равновесие властей», отклонения от которого (чаще всего в форме усиления власти президента) происходят исключительно в периоды кризисов. По этому поводу В.В. Согрин писал: «Полномочия исполнительной власти, в первую очередь, президента, расширились, как правило, в кризисные эпохи (так случилось и в начале XXI в., когда после атак сил международного терроризма против США в сентябре 2001 г. prerogatives президента вновь были серьёзно расширены)⁴.

В посткризисные периоды законодательная власть брала реванш, пытаясь, и не без успеха, восстановить равновесие двух главных ветвей государства. В целом же взаимоотношения двух ветвей власти находились в состоянии динамического равновесия, означающего, что возвышение одной ветви власти вызывало к жизни контртенденцию расширения полномочий другой, так что предусмотренный отцами-основателями США баланс властей восстанавливался» [10, с. 250].

Американская система разделения властей и дополняющий её механизм сдержек и противовесов были разработаны во времена, когда основная угроза тирании исходила от законодательной власти. Именно боязнь узурпации власти со стороны законодателей, а практика конституционного развития отдельных штатов делала такую возможность весьма вероятной, вынудила авторов Конституции 1787 г. создать весьма сложный механизм, под действием которого каждая из ветвей власти вносила бы вклад в поддержание равновесия системы.

Важной особенностью американской конституционной модели стало не только чёткое закрепление принципа разделения властей, но и разграничение в прямой или косвенной форме предметов ведения: за Конгрессом была закреплена внутренняя политика, за президентом – внешняя политика. Это делало неизбежным конфликт между законодательной и исполнительной властью

⁴ Оговоримся, что избрание Трампа само по себе не программировало конфликт между ветвями власти, а последовавшие события выявили линии напряжения и внутри администрации американского президента. В этом смысле мы имеем возможность наблюдать достаточно редкую ситуацию.

за право первой участвовать в осуществлении внешней политики, а второй – внутренней. Вокруг этого разграничения и развернулась острая политическая борьба между Д. Трампом и Конгрессом.

Прежде чем рассматривать основные вехи данного конфликта, оговоримся, что существенное влияние на его эволюцию оказал и продолжает оказывать Верховный суд, который в 1803 г. на основании решения по делу *Marbury vs. Madison* приобрёл право конституционного надзора.

Конфликт между исполнительной и законодательной властью в США ведёт своё начало с президентства Э. Джексона. Эпоху его правления (1829–1837), отмеченную ростом полномочий главы государства, в американской традиции принято именовать «джексоновской демократией». Джексон был первым президентом, избранным выборщиками, которые, в свою очередь, были выбраны не конгрессом, а народом в соответствии с существовавшими на тот момент избирательными цензами. «Джексоновская интерпретация президентской власти, – писал американский исследователь Дж. Хикс, – также предполагала нечто новое в американской политике. Тот факт, что он был вознесён в должность преобладающим большинством, свидетельствовал о том, что за этот результат нёс ответственность американский народ, а не партийный кокус, не коллегия выборщиков, не серия беневолянтных легислатур. Это породило теорию о том, что исполнительная власть наделена значительно большим авторитетом, чем какая-либо другая ветвь правительства» [18, р. 228].

Эпоха Джексона характеризуется не только укреплением власти президента, но и усилением роли политических партий, борьба которых постепенно стала оказывать значительное влияние на развитие системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов. Влияние партий на этот механизм проявляется двояким образом. Во-первых, бóльшая часть политической истории США прошла в режиме т.н. раздельного правления, когда президент и большинство в конгрессе принадлежали к разным политическим партиям. С точки зрения системы сдержек и противовесов, рассматриваемая ситуация может быть оценена позитивно, так как в её рамках конституционная гарантия против усиления одной из властей подкрепляется раскладом политических сил. Однако этот позитивный эффект нивелируется попытками президента укрепить власть, интерпретируя в свою пользу лаконичные конституционные формулировки или апеллируя к привилегиям, свойственным институту главы государства. Здесь его союзником может стать Верховный суд, если он признает конституционность действий президента.

Другая же важная для настоящего исследования особенность американской системы правления заключается в низком уровне партийной дисциплины. Известно, что господство в законодательном органе партии, от которой был избран глава государства, ведёт к укреплению президентской власти, так как президент будет максимально использовать свои закреплённые в конституции полномочия, расширительно интерпретируя их и зная, что такие действия по-

лучат поддержку однопартийцев. Вспомним мнение цитируемого выше М. Дюверже, считавшего, что «если одна и та же партия держит в своих руках сразу и президентский пост, и большинство обеих палат, это почти полностью стирает конституционное разделение властей» [4, с. 461]. Однако политическая практика США даёт немало примеров, опровергающих указанный выше тезис. Здесь, президент для расширения круга своих полномочий, несмотря на господство в Конгрессе однопартийцев, вынужден действовать осторожно из опасения, что партийное большинство (к которому принадлежит и сам президент), объединившись с меньшинством (партией, находящейся в оппозиции), т.е. предпочтя партийную дисциплину определённой сиюминутной политической выгоде, может попытаться воспрепятствовать его политике или путём законодательного вето, или за счёт реализации своих расследовательских полномочий (inquiry powers), или запуском процедуры импичмента.

Курс Э. Джексона продолжил А. Линкольн, годы правления которого (1861–1865) американский исследователь К. Розитер назвала «диктатурой» [25]. Без преувеличения можно заявить, что Линкольн первым в американской политической истории стал использовать популистские лозунги, мотивируя расширение полномочий исполнительной ветви власти «требованиями общества» или «общественной необходимостью». Напротив, короткий период конца XIX в. ознаменовался победой Конгресса над главой государства. Будущий президент США В. Вильсон не без горечи заметит, что «по конституции система правления должна быть тщательным образом согласована с принципом идеального разделения властей, между тем как действующая в настоящее время система есть просто система верховенства конгресса» [1, с. 13].

Однако такое положение удержалось недолго. Курс на усиление роли президента взял Т. Рузвельт (ассоциировавший своё президентство с правлением Э. Джексона и А. Линкольна), дело которого продолжили и другие президенты первой половины XX в., в частности Ф.Д. Рузвельт. Т. Рузвельт сформулировал моральное основание для усиления исполнительной власти, заявив: президент «стоит на страже граждан» и в силу этого обязан делать «всё то, что от него требует нация в той мере, в которой это не выходит за рамки конституции и закона» [23, р. 57]. Советники Ф.Д. Рузвельта в качестве неотъемлемой части Нового курса предложили модель ориентированной на президента (presidency-centered) реорганизации правительства. В.В. Согрин отмечает по этому поводу, что «президентская власть дорузвельтовской эпохи в научной литературе обозначается как традиционная, рузвельтовской и послерузвельтовской эпох – как современная. Главное отличие второй от первой заключалось в возрастании полномочий исполнительной власти» [10, с. 241]. С точки зрения полномочий исполнительной власти важными особенностями президентства Ф.Д. Рузвельта стали значительное усиление роли исполнительных указов президента, а также закрепление за главой государства «неотъемлемого» права на осуществление внешней политики, подтверждённое Верховным судом.

После президентства Ф.Д. Рузвельта вера американской элиты в исполнительную власть усилилась. В научном сообществе манифестами такого политического курса можно без преувеличения назвать книги Р. Нойштадта «Президентская власть» (1960) и А. Шлезингера «Имперское президентство» (1973). Известный исследователь американской системы разделения властей Л. Фишер отмечает, что «со Второй мировой войны до настоящего времени видные учёные возлагали надежды на пост президента, чтобы защитить нацию от внешних угроз и эффективно справляться с внутренними кризисами» [16]. Наступала эпоха «имперского президентства», название которой, на наш взгляд, говорит не столько о внешнеполитическом экспансионизме американского руководства, сколько о том, что исполнительная власть охватила своим влиянием все сферы жизни общества и государства. Мы выходим за рамки предложенной Шлезингером концепции «имперского» президентства как формы осуществления внешней политики, потому что по инициативе президентов глубокие изменения происходили и во внутренней политике. Вспомним, к примеру, программу «Великого общества» Л. Джонсона или неоконсервативные реформы Р. Рейгана. Имеются все основания, чтобы констатировать: в американской политике после Второй мировой войны окончательно закрепился тезис о том, что «система сдержек и противовесов не будет работать, если одна из трёх ветвей власти не возьмёт на себя инициативу, и что вся система будет работать лучше, подчиняясь сильному президентскому руководству. Такое руководство было необходимо для преодоления тенденции к инертности» [27, р. 63].

В начале 1970-х гг. казалось, что тенденцию к усилению исполнительной власти нельзя остановить. Однако её неожиданно оборвал фактор случайности: Р. Никсон из-за Уотергейтского скандала стал последним «имперским» президентом в истории США. Институт главы государства был дискредитирован не только действиями президента, но и ответом на них конгресса – запуском (впервые с 1868 г.) процедуры импичмента. В поиске выхода из сложившейся ситуации Никсон учредил пост специального прокурора, которому вменялось в обязанность объективное расследование деятельности президента⁵. Однако ещё до вынесения сенатом решения об импичменте президент покинул свой пост. Конец эпохи «имперского» президентства был связан не только с личностью Р. Никсона, но и с тем обстоятельством, что сконцентрированный в ру-

⁵ Вопрос о привилегии исполнительной власти является одним из самых дискуссионных в политической науке и конституционно-правовой доктрине США. В обоснование привилегии власти обычно приводится весьма общая формулировка разд. 1 ст. II конституции: «исполнительная власть предоставляется президенту США». По А.А. Мишину, привилегия «сводится к праву президента удерживать информацию, которая, по его мнению, является конфиденциальной, от конгресса и судебной ветви власти. Это право объясняется соображениями государственной безопасности» [8, с. 58–59]. Иными словами, речь идёт, с одной стороны, о праве на конфиденциальность, т.е. о праве президента отказаться от исполнения требований конгресса предоставить информацию о своих действиях, а с другой – об отсутствии обязанности раскрывать информацию о процессе принятия решений в Белом доме перед комитетами конгресса. В политической истории США указанные аспекты рассматриваемой привилегии интерпретировались различным образом, в силу чего до сих пор не существует определённого ответа о границах её применения.

как исполнительной власти механизм осуществления внутренней политики начал давать серьёзные сбои. По меткому замечанию Т. Лоуви, содержащему даже в названии его книги, «полномочия присвоены, обещания не выполнены» [22]. Иными словами, была утеряна та самая способность отзываться на требования народа, которую М. ван Кревельд называет основой американского правления [7, с. 51].

Эта формулировка как нельзя более точно отражает ситуацию, благодаря которой в президентской должности оказался Д. Трамп. Только в случае с Никоном такая ситуация возникла в период пребывания президента у власти и послужила основанием для ослабления конгрессом президентской власти.

За «ослабленными» президентами вскоре последовало «восстановительное» президентство Р. Рейгана, ознаменовавшееся значительными реформами в внутренней политике и новыми внешнеполитическими устремлениями. Президент был центральной фигурой данных преобразований, а политика его администрации получила название «рейганомики». На рубеже XX–XXI вв. вновь обозначилась тенденция к возвращению «имперского» президентства, особенно в вопросах внешней политики. Действия главы государства, по сути, стали нарушать ограничения, установленные во времена «ослабленного» президентства. Интеллектуальным манифестом нового усиления президентской власти можно считать исследование Б. Клейнермана «Дискреционный президент» (2009). Автор прямо заявил: «...конституционный порядок предполагает, что исполнительная власть может обеспечивать нам безопасность так, как не может это сделать любое другое учреждение» [21, с. IX].

По существу, механизмы усиления власти президента остались неизменны. Во-первых, это использование военной мощи США без санкции конгресса – например, на основании резолюции Совета Безопасности ООН. Впервые применение силы за рубежом санкционировал Г. Трумэн во времена Корейской войны, схожую аргументацию использовал и Б. Обама, «легализуя» операцию в Ливии. Теперь мы наблюдаем, как нагнетается агрессивная риторика в адрес Северной Кореи. Во-вторых, проведение популярных на определенный момент реформ во внутренней политике. Примером такой реформы стали инициированные Б. Обамой преобразования в сфере обязательного медицинского страхования.

Президентство Д. Трампа: продолжение традиции или новая страница американской государственности?

Представляет ли собой президентство Д. Трампа очередную страницу в истории развития «имперского» президентства, а значит, и новый виток в соперничестве президента и конгресса за первенство в проведении внутренней и внешней политики? Ответ на этот вопрос можно считать утвердительным. В первый год пребывания в должности Д. Трамп оказался под сильнейшим политическим давлением. Под вопрос ставятся полномочия президента не толь-

ко во внутренней, но во внешней политике – той сфере, где господствующая роль главы государства косвенно предусмотрена конституцией и подтверждена решениями Верховного суда. Именно здесь проявляется наибольшая активность СМИ, прежде всего посредством кампании по поводу вмешательства России в выборы. Под вопрос ставится не только конституционность действий Д. Трампа, но и его легитимность как президента. Звучит критика косвенной системы выборов главы государства в США как антидемократической, повторяются обвинения по поводу иностранного вмешательства в избирательную кампанию. Позиция Трампа ослаблена сравнительно низким уровнем общественной поддержки: на фоне враждебности СМИ и интеллектуальной элиты, ярким индикатором чего стало обилие нелицеприятных прозвищ президента [2, с. 70], его популярность после вступления в должность составила всего 40%, это самый низкий показатель американского президента за последние четыре десятилетия [9, с. 16].

Наряду с конгрессом, а точнее с находящимися в оппозиции конгрессменами-демократами, сопротивление Трампу оказывают и однопартийцы, особенно истеблишмент Республиканской партии, федеральные чиновники, губернаторы, а также представители различных структур, образующих т.н. «глубинное» государство – сотрудники специальных служб и судьи. Не зря один из оппозиционеров Ч. Шумер с сарказмом заметил: «Я не знаю, что может сделать конгресс, но на месте Трампа я не стал бы тягаться с разведсообществом»⁶. Этой позиции в целом придерживается и американское общество: данные опросов показывают, что в разгар конфликта с ЦРУ американцы больше доверяли разведывательным службам, чем президенту (58% против 21% [9, с. 17]).

Такое положение вещей, которое журналисты уже успели окрестить «ползучим переворотом», можно объяснить лишь тем, что избрание Д. Трампа произошло, во-первых, в условиях оппозиции со стороны лидеров Республиканской партии [17], а, во-вторых, под лозунгами отрицания достижений предшествующей администрации [19, с. 9–10], таких как проект Транстихоокеанского партнёрства (ТТП). Предвыборную политическую программу Трампа, а также его конкретные действия в первый год пребывания на своём посту характеризует общая направленность на укрепление института президентства под лозунгами защиты интересов населения во внутренней политике и продвижения курса *America first* на мировой арене. По сути президент сделал попытку решить проблему, о которой говорил Лоуви, т.е. вновь заставить власть отзываться на потребности народа. Такая, на первый взгляд, популистская задача сродни описанным выше взглядам А. Линкольна и Т. Рузвельта, и она постепенно решается Д. Трампом, несмотря на сильное давление со стороны прочих участников процесса принятия политических и управленческих решений.

¹⁶ Дробницкий Д. В США происходит ползучий госпереворот // Life.ru. 20.02.2017. URL: https://life.ru/t/%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/976064/v_ssha_proiskhodit_polzuchii_ghospierievorot (дата обращения: 30.07.2017).

Можно констатировать, что для укрепления президентской власти Д. Трамп использует те же средства, как и его предшественники Дж. Буш и Б. Обама: активную внешнюю политику, зачастую идущую вразрез с видением конгресса, и популярную реформу, конституционность которой оспаривается представителями истеблишмента, но имеет поддержку среди населения. В первом случае речь идёт о выходе из ТТП и Парижского соглашения по климату, во втором – в ужесточении антиэмигрантской политики с целью борьбы с терроризмом, а также всеобъемлющей налоговой реформе. В то же время озвученный Д. Трампом поворот во внешней политике некоторые аналитические центры США называли «оппозицией союзническим отношениям, оппозицией свободной торговле и поддержкой авторитаризма» [32], а действия президента по борьбе с терроризмом, обусловленным иммиграцией, заклеили как дискриминационные.

Пока больше всего ограничен Д. Трамп в сфере внешней политики. В первую очередь сказанное относится к американо-российским отношениям, на радикальное улучшение которых Трамп делал ставку во время своей предвыборной кампании, и которые в настоящее время зафиксированы в самом негативном состоянии из-за принятия Конгрессом ряда санкционных законов, факт принятия которых американские СМИ успели окрестить «началом новой холодной войны»⁷. Имел место типичный случай использования полномочий парламента для ограничения возможностей президента. В результате возникает риск того, что американо-российские противоречия останутся в своей сути неразрешёнными на протяжении долгого времени. Более того, Трамп, свобода действий которого ограничена принятыми Конгрессом санкционными законами, уже не сможет помочь их урегулированию. Возможно, такие внешнеполитические шаги, как бомбардировка сирийской армии⁸ и угрозы в адрес Северной Кореи⁹, а также и иные внешнеполитические авантюры, Д. Трамп совершил в расчёте на одобрение (или меньшую критику) со стороны элиты.

Рассмотрим те неудачи Д. Трампа, которые обусловлены давлением на президента в рамках конституционной системы сдержек и противовесов, которую президент успел назвать «архаичной». На первый взгляд, доминирование республиканцев в палате представителей и в сенате должно сулить президенту успех в проведении основных преобразований: налоговой реформы и отмены обязательной системы медицинского страхования (Obamacare). Кроме того, в политическую повестку дня президент внёс вопрос о финансировании строительства защитных сооружений на границе с Мексикой. Однако господство республиканцев в конгрессе не гарантирует успеха президентским инициативам. Особенность политической системы США заключается в том, что даже в случае,

⁷ We're on the road to a new Cold War // The Washington Post. 31.07.17. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/were-on-the-road-to-a-new-cold-war/2017/07/31/213af6be-7617-11e7-8839-ec48ec4cae25_story.html?utm_term=.3effe8ea7e95 (дата обращения: 30.07.2017).

⁸ Подробнее см. [32; 33].

⁹ Подробнее об обострении отношений с Северной Кореей см. [38].

когда президент и парламентское большинство принадлежат к одной партии, разделение между исполнительной и законодательной властью может усиливаться, о чем было сказано выше. Прохождение таких серьёзных реформ через Конгресс очевидно зависит исключительно от умения президента и его администрации убедить конгрессменов в правильности своей политики. Хотя в условиях текущей ситуации достигнуть такого результата весьма сложно. Кроме того, нельзя не учитывать и фактор общественного мнения. Например, к отмене системы обязательного медицинского страхования население ещё в начале 2017 г. относилось неоднозначно: опрос показал, что 61% американцев выступают за частичный пересмотр закона, 9% со своей позицией не определились и лишь 30% согласны с Трампом в том, что Конгресс должен отменить закон и разработать новый закон о здравоохранении [9, с. 17].

Вторым серьёзным средством давления на Д. Трампа стала не предусмотренная конституцией возможность назначения должности специального прокурора (в случае Трампа – для расследования «российского следа» в его избирательной компании), т.е. лица, ответственного за расследование уголовно наказуемых деяний высокопоставленного государственного чиновника в ситуации, когда обычные процедуры следствия могут оказаться неэффективными. Как упоминалось выше, президент Р. Никсон создал этот институт, чтобы с его помощью противостоять конгрессу. В ситуации с Д. Трампом назначение спецпрокурора носит откровенно антипрезидентский характер и создаёт рычаг давления на президента США не только юридического, но и общественного свойства, подтверждая обвинения большинства СМИ, постоянно ищущих «российский след» в прошедших выборах. При этом Д. Трамп находится в более сложной ситуации, чем в своё время У. Клинтон. Во-первых, при Клинтоне специальный прокурор был назначен при участии конгресса, т.е. органа законодательной власти, тогда как при Трампе назначение исходило от Министерства юстиции, т.е. органа исполнительной власти. Этот парадоксальный факт вновь подтверждает наличие конфликта внутри ветви власти, к которой принадлежит президент. Во-вторых, специального прокурора назначает министр юстиции, но министр Дж. Сешнс вынужден был взять самоотвод от участия в расследованиях, связанных с президентской кампанией, так как сам подозревается в связях с Россией. В-третьих, на должность специального прокурора был назначен Р. Мюллер, квалифицированный юрист, в 2001–2013 гг. возглавлявший Федеральное бюро расследований. Дж. Коми, сменивший Мюллера на посту председателя ФБР, за некоторое время до назначения абсолютно конституционно был уволен Д. Трампом с формулировкой «за некомпетентность и неспособность к эффективному руководству»¹⁰. Очевидно, что даже высокоразвитая система институтов не может исключить фактор личных связей и профессионального

¹⁰ Новостные ленты СМИ незамедлительно наполнились заголовками: «Президент Дональд Трамп заявил об увольнении директора ФБР Дж. Коми, чем вызвал колоссальное волнение во всём политическом мире».

взаимодействия должностных лиц, особенно в структурах «глубинного» государства, в силу чего расследование специального прокурора легко может приобрести предвзятый характер.

Каковы политические последствия описанного выше назначения для Д. Трампа? Ответ на этот вопрос можно дать либо с точки зрения истории института главы государства в США, либо с точки зрения текущей политической ситуации. Исторические аналогии рисуют неблагоприятную перспективу для действующего президента. К примеру, Р. Никсон перед началом Уотергейтского скандала уволил тогдашнего директора ФБР А. Кокса, чем усилил конституционный кризис, завершившийся в итоге отставкой главы государства. Во-вторых, в обоих случаях назначения спецпрокурора для расследования вопросов, связанных с деятельностью президента, активно обсуждался вопрос об импичменте. Этот момент предстоит учитывать Д. Трампу, так как основания для отрешения президента от должности в конституции обозначены расплывчато и поддаются широкой интерпретации. С точки зрения текущей политической ситуации, назначение спецпрокурора позволит оппонентам президента усилить давление на него, апеллируя к авторитету нового должностного лица как выдающегося юриста (а таковым, несомненно, является Р. Мюллер).

На требование назначить специального прокурора для расследования «усилий российского правительства с целью повлиять на ход президентских выборов 2016 г.» Д. Трамп ответил весьма сдержанно, пообещав дождаться доказательств «фактов сговора с иностранной организацией»¹¹. В то же время Трамп подписал указ об учреждении Президентской консультационной комиссии по обеспечению прозрачности выборов (*Presidential Advisory Commission on Election Integrity*). Данный орган должен был отвечать за изучение избирательного процесса в США, его особенностей и уязвимостей. В частности, целью комиссии провозглашается поиск возможных способов нарушения законов об избирательном процессе, вмешательства в сам процесс и любых других видов соответствующего мошенничества. Однако уже в январе 2018 г. Комиссия была распущена. Комментируя это решения, Трамп заявил: «Несмотря на существенные доказательства мошенничества с избирателями, многие штаты отказались предоставить президентской консультативной комиссии по прозрачности выборов основную информацию, относящуюся к расследованию»¹². Данное утверждение ещё раз подтверждает наличие серьёзного конфликта в политической элите США, вызванного президентством Д. Трампа и затрагивающего не только федеральный уровень, но и уровень штатов.

Выше мы указали лишь две попытки навязать Д. Трампу отличную от его представлений программу действий, совершённые в рамках системы сдержек и

¹¹ За Трампа возьмётся старина Мюллер // Газета.ru. 18.05.2017. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/18_a_10679411.shtml (дата обращения: 18.07.2017).

¹² Трамп распустил комиссию по прозрачности выборов // USA.One. URL: <https://usa.one/2018/01/tramp-raspustil-komissiyu-po-prozrachnosti-vyborov/> (дата обращения: 15.01.2018).

противовесов. Обе эти попытки подтверждают высказанный нами тезис о том, что в настоящее время противоречия существуют не только между законодательной и президентской властью, но и внутри самой исполнительной власти.

Однако вернёмся к успехам, которых президенту удалось достичь благодаря конституционно гарантированной автономии исполнительной власти. В первую очередь, отметим указ (исполнительный приказ) Д. Трампа о предотвращении террористической угрозы со стороны въезжающих в США (*Executive Order Protecting The Nation From Foreign Terrorist Entry Into The United States*). Несогласие с его положениями выразили многие представители американского политического истеблишмента и крупного бизнеса. В числе прочего в суд Сиэтла поступило совместное экспертное заключение в поддержку иска против миграционного указа за подписью руководителей 97 ведущих американских компаний, в котором говорилось, что названный указ «дискриминирует по принципу национальности и религии. Он закрывает наши границы для наиболее уязвимых людей в мире — например, тех, кто бежит от разрушений войны. И он устанавливает дискреционные и произвольные правила приёма в страну даже для тех иммигрантов, которые на протяжении многих лет проживали здесь (в США) на законных основаниях»¹³. Кроме того, против данного указа был подан ряд исков в федеральные суды; в частности, федеральный окружной суд штата Гавайи приостановил действие указа. В судебном иске генерального прокурора штата Нью-Йорк критика противников рассматриваемого указа была изложена в наиболее полном виде. Она структурирована по нескольким направлениям: 1) указ лишает вузы возможности принимать на учёбу студентов из стран, внесённых в «чёрный список» (в Городском университете Нью-Йорка обучались более 850, а в Университете штата Нью-Йорк – 232 таких студента); 2) указ наносит удар по системе здравоохранения штата, где занято большое число иммигрантов из стран «чёрного списка»; 3) удар по туристической привлекательности штата; 4) бизнес лишается возможности нанимать сотрудников, имеющих «неблагоприятное» происхождение; 5) разделение семей жителей штата и их родственников в странах «чёрного списка»; 6) удар по беженцам, чьё проживание в штате уже было одобрено. Резюмируя, основанием для признания неконституционности указа прокурор предложил считать нарушение принципов, закреплённых в Билле о правах, т.е. в первых десяти поправках к Конституции США 1789 г.

Однако социологические опросы показывают, что указ получил поддержку половины американцев (50% «за», 41% «против»¹⁴). Точку в споре поставил вставший на сторону президента Верховный суд, который отменил решения нижестоящих судов и подтвердил конституционность действий Д. Трампа, при-

¹³ Лепёхин В. Трамп и юристы: как в США борются с антитеррористическим указом президента // РИА Новости. 8 февраля 2016. URL: <https://ria.ru/analytics/20170208/1487455342.html> (дата обращения: 05.07.2017).

¹⁴ 52% Say Trump Travel Ban Anti-Terrorist, Not Anti-Muslim. URL: http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/israel_the_middle_east/52_say_trump_travel_ban_anti_terrorist_not_anti_muslim (дата обращения: 30.07.2017).

знав запрет на въезд в США мигрантов из Ливии, Сирии, Ирана, Сомали, Судана и Йемена. Таким образом, Д. Трамп одержал как минимум промежуточную (с учётом возможности рассмотрения в Верховном суде вопроса о наличии у президента права на издание такого указа) победу в споре с американским политическим истеблишментом, подтвердив известное со времён Ф.Д. Рузвельта право президента принимать исполнительные приказы по ключевым вопросам внутренней политики наряду с конгрессом.

Особое место во внешнеполитических действиях Д. Трампа, которые его оппоненты стремятся дискредитировать или признать неконституционными, принадлежит выходу США из Транстихоокеанского партнёрства и Парижского соглашения по климату. В отношении последнего дать однозначный комментарий затруднительно, так как не ясны статус данного соглашения с точки зрения международного права и юридическая процедура выхода из него.

Для оценки действий Д. Трампа по выходу США из соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве предварительно уточним полномочия президента при заключении международных договоров. Во-первых, конституция предусматривает совместное участие президента и сената лишь в процессе ратификации международного договора. Иными словами, президент вправе подписывать международные договоры, но до начала их ратификации он волен распоряжаться подписью по собственному усмотрению. Во-вторых, согласие сената в большинстве случаев носит чисто процедурный характер, но в отношении важных международных обязательств оно может быть использовано против президента. В качестве прецедента нельзя не упомянуть отказ сената от ратификации Версальского мирного договора (1920 г.). В-третьих, конституционная формулировка о совете и согласии Сената не лишает президента права осуществлять международное сотрудничество на основании т.н. соглашений исполнительной власти, что подтверждается рядом решений Верховного суда. В-четвёртых, конституция прямо не указывает, но и не содержит прямого запрета, на право президента денонсировать международные договоры, что даёт исполнительной власти право в одностороннем порядке расторгать международные договоры. Косвенно это право было подтверждено Верховным судом США.

В случае Транстихоокеанского партнёрства речь шла исключительно об отзыве подписи президента, а не о денонсации соглашения. Самим соглашением не предусмотрен запуск процедуры его ратификации. Таким образом, действия Д. Трампа вполне конституционны. Оценить экономические последствия выхода США из соглашения, ещё не вступившего в силу, весьма затруднительно, однако его политические последствия уже просматриваются. Премьер-министр Австралии Р. Тёрнбулл заявил о возможности для Китая присоединиться к ТТП. Такой сценарий маловероятен, так как партнёрство изначально было американским проектом, однако в сложившейся ситуации Китай может выступить в качестве защитника принципов свободной торговли в противовес протекционистской риторике Д. Трампа. Площадкой для реализации такой

инициативы Китая может стать либо зона свободной торговли в рамках АТЭС (без участия США), либо дальнейшее развитие проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства. Однако этот вопрос составляет предмет отдельного исследования. Отметим, что понимание бесперспективности ТТП для США появилось уже при Обаме, хотя критики Трампа предпочитают об этом не упоминать [3, с. 7]. При этом, действующий президент не отрицает необходимости сотрудничества со странами тихоокеанского региона, но путём заключения отдельных договоров о торговле с ними, о чем Трамп упомянул в своём выступлении на недавнем Всемирном экономическом форуме в Давосе¹⁵.

Созданная более 200 лет назад американская конституционная система правления воспроизводила различные подходы к взаимодействию основных ветвей власти в контексте постоянного соперничества президента и конгресса. За исключением небольших по историческим меркам промежутков времени пальма первенства в этом соперничестве принадлежала президенту, что нашло своё отражение в послевоенной концепции «имперского президентства», в рамках которой глава государства выступает основным действующим лицом как внутренней, так и внешней политики. Исходя из этой перспективы, президентство Д. Трампа продолжает традиционную борьбу за ведущее место в процессе принятия основных управленческих и политических решений. Однако современная ситуация уникальна тем, что президенту противостоит не только Конгресс, где большинством обладают однопартийцы главы государства, но структуры «глубинного» государства.

Ставки в этой борьбе высоки. Полномочия президента – это не просто предмет формального оспаривания одной из элитных групп. Фактически мы наблюдаем вялотекущий конституционный переворот. Нечто похожее происходило в США в разгар Великой депрессии. Тогда процесс разворачивался в обратном направлении: президент концентрировал в своих руках власть с опорой на выданный избирателями мандат. Четыре президентских срока Ф.Д. Рузвельта – беспрецедентный в американской истории пример пребывания у власти одного человека без сколь-либо серьёзных попыток оспорить его легитимность. Во многом это было результатом уникального стечения обстоятельств, но и объективные факторы (Великая депрессия, международная обстановка, Вторая мировая война) также играли большую роль.

После Второй мировой войны подобных прецедентов не было. Влиятельность элит серьёзно возросла вследствие изменений, внесённых в процедурную сторону американской демократии:

22-я поправка к конституции ввела законодательный запрет на более чем двукратное замещение поста президента одним и тем же лицом;

¹⁵ Восемь ключевых моментов речи Трампа на форуме в Давосе // ТАСС. 26.01.2018. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4905874> (дата обращения: 18.01.2018).

повысилась значимость института предварительного голосования по кандидатуре будущего президента (праймериз).

Свои формы начала обретать «элитарная демократия», о которой писали Дж. Домхоф и Ч.Р. Миллс [14; 24]. «Элитарная демократия» прочно конституировалась, обретая чёткую структуру. Крупнейшие корпорации, СМИ, верхушка гражданского общества и политической элиты взяли в свои руки основные рычаги управления страной, посредством которых коллективный суверен (население) мог выразить свою волю, не совпадавшую с целями и задачами элиты.

А. Линкольн в своё время сказал: «Правительство от народа, посредством народа и для народа не исчезнет с лица Земли». Согласимся с В.В. Согриным в том, что современная американская демократия может считаться правительством «от народа» [11, с. 490]. Однако две оставшиеся части формулы Линкольна сейчас уже не работают. Инструменты непосредственного волеизъявления, право на референдум и законодательную инициативу ограничены уровнем штатов. На национальном уровне единственные общенациональные выборы – президентские – не являются прямыми. До президентских выборов 2016 г. считалось, что институт праймериз и коллегия выборщиков служат надёжной гарантией от незапланированных ситуаций в ходе избрания главы государства. В чьих интересах функционирует эта система? Отвечая на этот вопрос, снова сошлемся на В.В. Согрина: «Поименование [американской политической власти – В. Якунин, Н. Молчаков] “общенародной” было бы справедливо, если бы все классы и социальные группы США имели реальную возможность на равных распоряжаться политической властью и извлекать из неё равную выгоду. Этого, однако, не происходит» [11, с. 490].

Это несовершенство американской демократии во многом объясняет успех Д. Трампа, равно как и выступление против него почти всех элитных групп. Есть ли у него шанс выйти из такого противостояния победителем? Ответ на этот вопрос не очевиден. Президент одержал ряд небольших побед над своими оппонентами и обладает значительными конституционными ресурсами для дальнейшего противостояния. Однако он не может сдерживать консолидированное давление элит. Для победы же в этом противостоянии президенту нужны нестандартные политические решения. Сможет ли он их найти – покажет время. Остаётся надеяться, что они не повлекут за собой непредсказуемых негативных последствий для мировой политики.

Список литературы

1. Вильсон В. Государственный строй США. СПб: типография А.Г. Розена, 1909. 282 с.
2. Глазкова А.А. Особенности прозвищ американских президентов // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2017. № 17–3. С. 68–70.
3. Громыко А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5–12.
4. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2007. 538 с.
5. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 330 с.
6. Конституционное право зарубежных стран / под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, М.Л. Энтина. М.: Норма, 2004. 832 с.
7. Кревельд М. Американская загадка. М.: Мысль, 2016. 552 с.
8. Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М.: Наука, 1987. 190 с.
9. Попов Н.П. Американское общественное мнение и российская политика администрации Трампа // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 2. С. 15–28.
10. Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 368 с.
11. Согрин В.В. Исторический опыт США. М.: Наука, 2010. 581 с.
12. Согрин В.В. Политическая история США. XVII–XX в. М.: Издательство «Весь Мир», 2001. 400 с.
13. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М.: Юридическая литература, 1995. 175 с.
14. Domhoff G.W. The Higher Circles. The Governing Class in America. N.Y.: Random House, 1970. 367 p.
15. Duverger M. Echech au roi. Paris: Albin Michel, 1978. 249 p.
16. Fisher L. Teaching the Presidency: Idealizing a Constitutional Office // PS: Political Science & Politics. January 2012. URL: <https://www.jstor.org/stable/41412717> (accessed: 05.07.2017)
17. Graham D. The Republican Backlash Against Trump's Vote-Fraud Commission. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/07/kobach-to-where-you-came-from/532878/> (accessed: 30.07.2017)
18. Hicks J. A short history of American Democracy. Boston: Houghton Mifflin Company, 1956. 864 p.
19. Jacobson G. The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory // Political Science Quarterly. 2017. Vol. 132. Issue 1. P. 9–41.
20. Jones G.S., Martini J.A. The Imperial Congress: Crisis in the Separation of Powers. N.Y.: World Almanac, 1988. 384 p.
21. Kleinerman B. The Discretionary President: The Promise and the Peril of Executive Power. Lawrence: University Press of Kansas, 2009. 338 p.
22. Lowi T. The Personal President: Power Invested, Promises Unfulfilled. N.Y.: Cornell University Press, 1986. 240 p.
23. Mason A., Beaney W. American Constitutional Law. Introductory Essays and Selected Cases. 3d ed. New Jersey: Prentice-Hall, 1964. 588 p.
24. Mills C.R. The Power Elite. New York, Oxford: Oxford University Press, 2000. 448 p.
25. Rossiter C. Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1963. 322 p.
26. Schlesinger A. The Imperial Presidency. Boston: Houghton Mifflin Company, 1973. 505 p.
27. Schlesinger A., De Groin A. Congress and the Presidency: Their Role in Modern Times. N.Y.: AEI Press, 1967. 189 p.
28. Schmitt M.N., Ford C.M. Assessing U.S. Justifications for Using Force in Response to Syria's Chemical Attacks: An International Law Perspective // International Law. Laws of War. 2017. Vol. 9. No. 2. Pp. 1–19.
29. Singh M. Syria after the Missile Strikes: Policy Options. Testimony Submitted to the House Foreign Affairs Committee. April 27, 2017. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/syria-after-the-missile-strikes-policy-options> (accessed: 30.07.2017)
30. Skowronek S. Presidential Leadership in Political Time. Reprise and Reappraisal. 2nd ed. Lawrence: University Press of Kansas, 2011. 240 p.
31. Warden J.K. North Korea's Nuclear Posture. An Evolving Challenge for U.S. Deterrence // Proliferation Papers, Ifri, March 2017. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/warden_north_korea_nuclear_posture_2017.pdf (accessed: 30.07.2017)
32. Wright Th. The 2016 Presidential Campaign and the Crisis of Foreign and the Crisis of US Foreign Policy // Lowy Institute for Foreign Policy. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2016-presidential-campaign-and-crisis-us-foreign-policy> (accessed: 15.08.2017)

Об авторах:

Владимир Иванович Якунин – д.полит.н., заведующий кафедрой государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 119192, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. E-mail: viy@polit.msu.ru.

Никита Юрьевич Молчаков – преподаватель кафедры конституционного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. E-mail: nikita.molchakov@gmail.com.

THE PHENOMENON OF TRAMP AND THE AMERICAN SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS

Nikita Y. Molchakov, Vladimir I. Yakunin
DOI 10.24833/2071-8160-2018-1-58-42-62

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
Lomonosov Moscow State University

The US political system is repeatedly subjected to significant deviations from those constitutional provisions that determine the relationship between the three branches of power. The scientists use such phrases as «Jacksonian democracy» or «Imperial presidency» to illustrate the attempts of American presidents to intervene those issues which constitutionally assigned to the other branches of power.

In general, despite these deviations from legally established rules, the elites retained a general consensus on the notion of stable domestic and foreign policies. As the main threat to this stability, the possibility of organizing a revolution from above was considered. However, in November 2016 D. Trump managed to be elected under the slogan of such a revolution, becoming the first the president in the political history of the United States, which has no firm support among the elites.

Undoubtedly, such a success illustrated serious problems within American society, that's why the reasons of the conflict between D. Trump and his opponents could be found first of all in the ideological sphere. The newly elected president proposes a transformation of the fundamental basics that determined the vectors of US foreign and domestic policy in recent decades.

In this case, unlike the historical precedents considered in this paper, D. Trump's criticism goes beyond simple accusations on the pages of the mass media or in statements of the leading representatives of the American political establishment. It takes a form of an acute confrontation between the branches of power and within them. The analysis of this situation is proposed in the article, both from the point of view of political and legal sciences, which could help to make a forecast on the chances of D. Trump to become a winner in this conflict within the American political elite.

Key words: separation of powers, constitutional system, political elite, elite conflict, political stability, D. Trump, the USA.

References

1. Vil'son V. *Gosudarstvennyi stroi SShA* [Constitutional law of the USA]. St. Petersburg, tipografiia A.G. Rozena Publ., 1909. 282 p. (In Russian).
2. Glazkova A.A. Osobennosti prozvishch amerikanskikh prezidentov [The peculiarities of nicknames of American presidents]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2017, no. 17–3. pp. 68–70 (in Russian).
3. Gromyko A. «Novyi populizm» i stanovlenie postbipoliarnogo mirovogoporiadka [New Populism and the Post-Cold War Order in the Making]. *Sovremennaia Evropa*, 2016, no. 6 (72), pp. 5–12 (in Russian).
4. Duverger M. *Politicheskie partii* [Political Parties]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2007. 538 p. (in Russian).
5. Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York, W.W. Norton Publ., 2003. 286 p. (Russ. ed.: Zakaria F. Budushcheesvobody: neliberal'naiademokratiia v SShA i za ikh predelami [The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad]. Moscow, Lodomir Publ., 2004. 330 p.
6. *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional Law of Foreign Countries]. Ed. by M.V. Baglay, Iu.I. Leibo, M.L. Entin. Moscow, Norma Publ., 2004. 832 p. (In Russian).
7. Creveld M. *Amerikanskaia zagadka* [American Riddle]. Moscow, Mysl' Publ., 2016. 552 p.
8. Mishin A.A. *Printsip razdeleniia vlastei v konstitutsionnom mekhanizme SShA* [The principle of separation of powers in the constitutional mechanism of the USA]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 190 p. (In Russian).
9. Popov N.P. Amerikanskoe obshchestvennoe mnenie i rossiiskaia politika administratsii Trampa [American public opinion and the Russian policy of the Trump administration]. *Kommunikologiya - Communication Studies*, 2017, vol. 5, no. 2. pp. 15–28 (in Russian).
10. Sogrin V.V. *Demokratiia v SShA. Ot kolonial'noi ery do XXI veka* [Democracy in the USA. From colonial epoch to XXI century]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011. 368 p. (In Russian).
11. Sogrin V.V. *Istoricheskiiopyt SShA* [Historical experience of the USA]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 581 p. (In Russian).
12. Sogrin V.V. *Politicheskaia istoriia SShA. XVII–XX v.* [Political history of the USA. XVII–XX century]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2001. 400 p. (In Russian).
13. Entin L.M. *Razdelenie vlastei: opyt sovremennykh gosudarstv* [Separation of powers: experience of the modern states]. Moscow, Iuridicheskaiia literature Publ., 1995. 175 p. (In Russian).
14. Domhoff G.W. *The Higher Circles. The Governing Class in America*. New York, Random House Publ., 1970. 367 p.
15. Duverger M. *Echec au roi* [Failure to the king]. Paris, Albin Michel Publ., 1978. 249 p.
16. Fisher L. Teaching the Presidency: Idealizing a Constitutional Office. *Political Science & Politics*, 2012, vol. 45, no. 1, pp. 17–31.
17. Graham D.A. The Republican Backlash Against Trump's Vote-Fraud Commission // *TheAtlantic.com*, 06.07.2017. Available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/07/kobach-to-where-you-came-from/532878/> (accessed: 30.07.2017).
18. Hicks J. *A short history of American Democracy*. Boston, Houghton Mifflin Company, 1956. 864 p.
19. Jacobson G. The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory. *Political Science Quarterly*, 2017, vol. 132, iss. 1, pp. 9–41.
20. Jones G.S., Martini J.A. *The Imperial Congress: Crisis in the Separation of Powers*. New York, World Almanac Publ., 1988. 384 p.
21. Kleinerman B. *The Discretionary President: The Promise and the Peril of Executive Power*. Lawrence, University Press of Kansas Publ., 2009. 338 p.
22. Lowi T. *The Personal President: Power Invested, Promises Unfulfilled*. New York, Cornell University Press Publ., 1986. 240 p.

23. Mason A., Beaney W. *American Constitutional Law. Introductory Essays and Selected Cases*. 3d ed. New Jersey, Prentice-Hall Publ., 1964. 588 p.
24. Mills C.R. *The Power Elite*. New York, Oxford, Oxford University Press Publ., 2000. 448 p.
25. Rossiter C. *Constitutional Dictatorship: Crisis Government in the Modern Democracies*. New York, Harcourt, Brace & World Publ., 1963. 322 p.
26. Schlesinger A. *The Imperial Presidency*. Boston, Houghton Mifflin Company Publ., 1973. 505 p.
27. Schlesinger A., De Groin A. *Congress and the Presidency: Their Role in Modern Times*. New York, AEI Press Publ., 1967. 189 p.
28. Schmitt M.N., Ford C.M. Assessing U.S. Justifications for Using Force in Response to Syria's Chemical Attacks: An International Law Perspective. *International Law. Laws of War*, 2017, vol. 9, no 2, pp. 1–19.
29. Singh M. Syria after the Missile Strikes: Policy Options. Testimony Submitted to the House Foreign Affairs Committee. *House Foreign Affairs Committee*, 27.04.2017. Available at: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/syria-after-the-missile-strikes-policy-options> (accessed: 30.07.2017).
30. Skowronek S. *Presidential Leadership in Political Time. Reprise and Reappraisal*. 2nd ed. Lawrence, University Press of Kansas Publ., 2011. 240 p.
31. Warden J.K. North Korea's Nuclear Posture. An Evolving Challenge for U.S. Deterrence. *Proliferation Papers, Ifri*, 2017. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/warden_north_korea_nuclear_posture_2017.pdf (accessed: 30.07.2017).
32. Wright Th. The 2016 Presidential Campaign and the Crisis of Foreign and the Crisis of US Foreign Policy. *Lowy Institute for Foreign Policy*, 10.10.2016. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2016-presidential-campaign-and-crisis-us-foreign-policy> (accessed: 15.08.2017).

About the authors:

Vladimir I. Yakunin – Doctor of Politics, Head of the Public Policy Department, Lomonosov Moscow State University, 27-4, Lomonosovski pr., w, Russian Federation, 119192. E-mail: vij@polit.msu.ru.

Nikita Y. Molchakov – lecturer, Department of Constitutional Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia. 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: nikita.molchakov@gmail.com.